

Виктор БОНДАРЕВ

ПРЕСС СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА ПРЕССЫ?

Так нам велят верить, что голос журналов и газет — или так называемая пресса, есть выражение общественного мнения... Увы! Это великая ложь, и пресса есть одно из самых лживых учреждений нашего времени.
Константин Победоносцев

Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.
Конституция Российской Федерации

1995 год. Исполняющий обязанности генерального прокурора России Алексей Ильюшенко возбуждает уголовное дело против НТВ, точнее, передачи «Куклы», в которой, по его мнению, оскорбляли президента Ельцина. Надо сказать, что основания были — над главой государства действительно откровенно издевались. Впрочем, в то время это было рядовым событием. Тогда многие даже не пытались возмущаться подобной ситуацией. Например, второе лицо в государстве, премьер-министр Черномырдин, воспитанный ещё при советской власти, не счёл нужным бороться с произволом СМИ, а изображал смирение и почтение к передаче, где из него делали клоуна. Ведь он ещё в 1992 году получил урок, когда после снятия Гайдара заявил что-то о «рынке и базаре». Тотчас по нему проехал каток тогдашней либеральной прессы; не трудно было понять, что ещё немного — и вновь назначенного могут уволить без выходного пособия. Этот урок Виктор Степанович запомнил навсегда и больше с прессой, точнее, телевидением не бодался.

Могут сказать, что это было совпадением, но и к концу 1995 года должность генпрокурора опять оказалась вакантной. А исполнявший её попал в тюрьму по обвинению в коррупции, покинув через несколько лет места заключения ещё молодым, но большим туберкулёзом...

Сегодня этот случай выглядит абсолютной фантастикой. Канал телевидения оказывается сильнее, чем такая высокая властная инстанция, причём тогда, когда речь заходит об оскорблении главы государства! Конечно, люди компетентные могут утверждать, что, кроме всего прочего, канал принадлежал одному из первых олигархов. Но ведь приблизительно в то же время «коржаковцы» запросто укладывали в сугроб службу безопасности «Моста». Власть могла и тогда «замочить» кого угодно, вплоть до парламента. Просто у СМИ тогда были другая роль и другие полномочия. Сейчас, скорее, прокуратуру надо считать ветвью власти, чем СМИ.

Вот такой, способной хвалить и хулить, снимать и свертать, то есть — Четвёртой властью пресса действительно была. Лет 12 — с 1988 по 1999 год.

Любой пионер в СССР знал, с чего надо начинать революцию — с организации газеты: «Из искры возгорится пламя!» Пионерский значок как раз и изображал этот самый источник огня. И лучше всего начинать это огнеопасное мероприятие было за границей, как поступали Герцен и Ленин. Впрочем, хорошо известно, что и они не были первооткрывателями — газета была инструментом борьбы за власть для Марата, Робеспьера, Демулена, Карла Маркса и т. д. Возглавляющего этот список Марата можно считать первым информационным киллером.

Михаил Сергеевич Горбачёв вместе с Александром Николаевичем Яковлевым революции делать не собирались. «Назад к Ленину» — вот основная идея манифеста Горбачёва «Перестройка и новое мышление для страны и мира», представленного человечеству ещё накануне 1988 года, на третьем году перестройки. Им и в голову не приходило создавать какой-либо новый печатный орган в качестве трибуны, или, как учил Ленин, «коллективного организатора и агитатора». Справедливости ради нельзя не отметить, что 1986 год начался со снятия главного редактора «Коммуниста», безусловного сторонника ленинизма Ричарда Косолапова. Правда, назначенный на этот пост философ Иван Фролов существенной роли в развернувшейся идеологической борьбе не сыграл, и «Коммунист» не стал «Искрой». Впрочем, несколько статей будущего реформатора Егора Гайдара были опубликованы именно там.

Обязательно надо подчеркнуть, что к 1985 году желающих бунтовать против власти в СССР практически не было. Это потом очень многие говорили о своём негативном отношении к Системе, что всё, мол, знали и понимали, что ненавидели коммунизм с пелёнок. А к началу перестройки даже диссидентское движение, развернувшееся в 1970-х, само заглохло. О многом говорил и сам состав действующих лиц российской политики 1980—1990-х годов: 99 процентов — родом из КПСС. Ведь даже главный диссидент Советского Союза, академик А. Д. Сахаров был не только трижды Героем Социалистического Труда, но и членом КПСС с 1944 года!

Основных причин спада внутреннего брожения было две. Первая — ещё в 1970-е была разрешена эмиграция в Израиль, и большинство желающих отправилось либо на землю обетованную, либо в

США. И вторая — очевидная убогость режима старцев — Брежнева, Черненко, Андропова, крах коммунистического мифа были настолько очевидны, что критиковать власть на кухне или в курилке было уже скучно. Бытовое диссидентство воспринималось как какой-то наивный инфантильный романтизм или, хуже того, пошлость. Окуджавские «комиссары в пыльных шлемах» остались в дымке прошлого.

К началу 1980-х (не путайте с концом десятилетия, когда наступил тотальный дефицит) в СССР уже сформировался социалистический суррогат общества потребления и вместо антикоммунизма советский интеллигент или чиновник стремился заполучить квартиру, дачу, машину, иметь хорошую поликлинику, ездить на халяву за границу (в соцлагерь), пристроить детей в престижные вузы или учреждения типа торгпредств и академических НИИ. Система была несимпатичной, даже неприличной, но воспринималась как вечная, потому и критика её была занятием банальным.

Чтобы это застойное болото превратилось в сухой торфяник, который в принципе невозможно потушить, потребовалось несколько лет. Как и завещал Одоевский

*Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.*

Просвещённый гласностью народ действительно собрался под новым знаменем. В итоге от искры запылало. Пожар получился немалый. Захватил пол-Европы, затем одну шестую мира, в итоге преобразив всю ситуацию на земном шаре. И, что не менее важно сегодня, остановился на границе СССР и КНР. Горбачёв в определённом смысле предотвратил крах коммунистического Китая с его миллиардным населением — Дэн Сяопин жёстко подавил китайскую оппозицию явно под впечатлением от развала соседней империи: урок был уж очень наглядный!

Сейчас задним умом можно попробовать найти какую-то логику (или программу) в действиях Горбачёва (или неких «кукловодов»), доведших великую империю до катастрофы. Но в реальности всё было по-другому. Конечно, определённая последовательность в крахе коммунизма в СССР была: отрицание коммунизма шло этапно, от одного явления к другому. Сначала вспомнили преступления сталинизма, реабилитировали Бухарина, обнаружили останки невинно убиенной императорской семьи, поиграли в моду на монархизм. Затем началось «движение к Ленину», потом критике подвергся уже весь опыт социализма в СССР и других странах, а после добрались и до Ленина, Маркса... Антикоммунизм становился реальностью и, наконец, победил.

Однако обнаружить эту последовательность в действиях перестройщиков трудно. Пожалуй, только в Прибалтике резкое ослабление идеологического и политического давления было сразу воспринято как сигнал к борьбе за выход из СССР. В остальном Союзе общая логика пробивала себе путь через политическую стихию. Здесь, конечно, чрезвычайную роль сыграл сам факт появления Горбачёва — на фоне предшествовавших косноязычных старцев из политбюро он стал телезвездой, появление которой на телеэкране уже повышало рейтинг телевидения, внушая надежду на существенные перемены. Он пробудил интерес к политическим и идеологическим вопросам.

Затем свою роль сыграли не диссиденты, а скорее, фундаменталисты-ленинцы. В принципе сегодня известно, что член политбюро Александр Яковлев был тем человеком, который фактически поначалу «крышевал» прессу и до конца перестройки пытался апеллировать к Ленину. Несомненно, большую роль в разрушении коммунистической идеологии сыграл Шатров с его ленинскими пьесами, в которых он, фактически отвергая существующее, звал к мифическому прошлому. «Белые одежды» Дудинцева, «Дети Арбата» Рыбакова, «Жизнь и судьба» Гроссмана были, с одной стороны, проленинскими произведениями, но с другой — провоцировали немалые сомнения в справедливости недавнего прошлого, а значит, и настоящего.

Первый телемост СССР — США вёл Владимир Познер, коммунист и сын иностранного коммуниста. Надо сказать, что советскую власть и социализм в то время он защищал весьма умело. Не менее ортодоксальную репутацию имел Егор Яковлев — один из авторов «Ленинианы», творец новой стилистики произведений про «самого человеческого человека».

Горбачёв провозгласил «гласность», то есть советский вариант свободы средств массовой информации. Дальше произошла цепная реакция, когда издание за изданием, одна запрещённая тема за другой выдвигались в качестве главных и злободневных. Застрельщиками в идеологической борьбе, то есть теми, кто ставил новые темы и «катал» очередные пробные шары для «архитектора перестройки», были второсортное по своему месту издание «Московские новости», предназначенное для изучающих иностранный язык, третьесортное и по виду, и по статусу «Век XX и мир», совершенно новые молодёжные передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «600 секунд» Александра Невзорова. Именно эти издания и передачи стали лидерами перестройки. Налицо было не спланированное наступление, а цепная реакция инициатив определённых лиц, их желание использовать новую политическую ситуацию. Александр Яковлев опирался на тех, кто сам, что называется, лез на рожон.

Начиная с 1985 года, разовый тираж газетно-журнальной периодики ежегодно возрастал на 20 млн экземпляров. В 1988 году, по сравнению с 1985-м, он увеличился на 62,4 млн. Произошло резкое увеличение выпуска центральных газет: тираж «Правды» превысил 11 млн, «Комсомольской правды» — достиг 17 млн, а «Труда» — 18 млн экземпляров. Рост продолжался и в последующие годы: в 1990 году рекордной отметки достиг тираж «Аргументов и фактов», составив 34 млн; 20,3 млн равнялся тираж «Комсомольской правды», 20 млн — «Труда». И хотя у некоторых газет («Советская Россия», «Красная звезда» и др.) количество подписчиков сократилось, объём периодики в целом с 1987 по 1990 год возрос на 10 процентов, значительно увеличились тиражи и журнальных изданий. В 1985 году «Огонёк» имел тираж 1,5 млн экз., в 1990-м — 4 млн, «Новый мир» — 425 тыс. и 2,7 млн, «Знамя» — 177 тыс. и 900 тыс.

экз.* Фантастические тиражи были у журналов «Работница» (20,5 млн), «Крестьянка» (20,3 млн), «Здоровье» (25,5 млн). Даже «Родина», появившаяся в 1989 году, в 1990-м уже имела тираж 450 тысяч экземпляров. — Ред.

1988 год был, наверное, самым оптимистичным для большинства советских людей и интеллигенции в особенности. С одной стороны, страна упивалась гласностью, ждала перемен. Теперь не нужно было вслушиваться в «голоса» из-за кордона, раздражаясь на глушилки. Теперь всё было хорошо слышно. Сбылась мечта советского интеллигента — слушать и читать что хочется, а ещё — и писать то, что заблагорассудится. При этом хозяйственный механизм работал и на прилавках, пока что-то было, более того, экономическая реформа дала рост заработной платы. В то время большинство ещё не знало, что это называется инфляцией.

В перестройку много говорили об опубликованной 13 марта 1988 года в «Советской России» статье преподавательницы вуза Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами». Однако здесь с исторической точки зрения более важно другое — жёсткий ответ, который дал Александр Яковлев 5 апреля того же года в главной партийной газете «Правда». Окончание этой полемической дуэли означало публичный идеологический крах Системы. Именно с этого момента люди поняли: в идеологии «всё дозволено»! Ведь ещё в мае 1987-го в «Новом мире» вышла наделавшая немало шума статья Ларисы Попковой (Пияшевой), в которой доказывалось, что рыночная экономика эффективнее плановой, при этом, как оказалось позже, автор печатался под псевдонимом, поскольку опасался гонений за своё вольнодумство. По сути, с весны 1988-го началось открытое столкновение коммунистической и либеральной идеологий.

С этого времени официальная коммунистическая идеология сдаёт одну позицию за другой, очень скоро в число подозреваемых попадает и коммунистическое божество — Ленин. А кое-где он объявляется уже сатаной, к тому же требующим захоронения. Как-то незаметно, походя, сбрасывается с пьедестала Маркс вместе с марксизмом. КПСС начала стремительно сдавать свои позиции во всех сферах. Началась массовая реабилитация всех противников большевизма и сталинизма. Впрочем, неожиданно «воскресает» Сталин — именно к его памяти обращаются противники Горбачёва.

Наконец, в мае **1989-го** случился апофеоз (и фактический финал) перестройки — Съезд народных депутатов, который ТРАНСЛИРУЕТСЯ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ в течение 10 (!) дней. Здесь СМИ, точнее, телевидение сыграли свою решающую роль — политика вошла в каждый дом! Это событие радикально меняет всю ситуацию. Театр одного актёра Горбачёва сменяется ареной ожесточённой политической борьбы, где присутствует множество действующих лиц. В стране возникает реальная политическая оппозиция, политическая борьба становится не столько рискованным занятием, сколько способом самоутверждения и карьерного вала. Начинается революция.

В **1989-м** гласность, минув стадию «свободы прессы», превращается в определённого рода диктатуру: наступает «либеральный террор». Со страниц газет, издающихся миллионными тиражами, жесточайшим образом критикуется ещё существующий социалистический режим, появляется термин «красно-коричневые», под которым подразумеваются все те, кто пытается защищать социализм и коммунизм. Всякая попытка Горбачёва и некоторых сочувствующих ему популярных политиков призвать к умеренности и постепенности сейчас же клеймится как «наступление реакции». Трагические события, происходящие в Нагорном Карабахе, Тбилиси, Вильнюсе, Риге, представляются на страницах газет как «наступающий коммунистический переворот». Горбачёв, получивший Нобелевскую премию и уже привыкший к симпатиям мирового общественного мнения, фактически становится его заложником.

В свою очередь журналисты, прежде всего с телевидения, массовым порядком избираются в российский и местные представительные учреждения. В июне **1990 года** был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». Он отменил цензуру, предоставил широкие права на учреждение печатных изданий и других средств массовой информации, ввёл их регистрацию как проявление новых принципов строительства журналистики в демократическом обществе. И, наконец, развязка в августе 1991-го: телевидение фактически выступает против ГКЧП, унижительный для власти репортаж — Янаев с трясущимися руками на пресс-конференции лидеров ГКЧП, демонстрация «Ельцина на танке» — ясно показывает слабость путчистов. Пресса сделала своё дело — СССР вскоре перестаёт существовать.

Ирония истории: реформы ударили в первую очередь по тем, кто их вызывал. В 1992 году жизненный уровень резко упал. Не только инженеры и учителя, но и журналисты чувствуют на себе результаты развала экономики. К тому же рост цен на бумагу и распространение печатной продукции сделали нищими, прежде всего, те издания, которые получали самую большую поддержку читателей. Удорожание бумаги, транспорта, связи, типографских расходов ведёт к недоступным для большинства ценам на периодику. Теперь главный спрос формируют те, кто платит и борется за власть. СМИ превращаются в инструмент политической борьбы, орудие пиара. Только в разгар какой-нибудь кампании, когда в политический процесс «вбрасываются» солидные деньги (например, весной 1993-го, когда проходит референдум о доверии Ельцину), происходит временное оживление. Знаменитое «Да-Да-Нет-Да» — это один из последних результатов печатных СМИ. В октябре 1993-го пресса поддержала роспуск российского парламента. Начинает активно использоваться политический пиар — на выборах губернаторов, сенаторов, депутатов.

Летом **1993-го** появляется НТВ — политический лидер российских СМИ. А ещё этот канал стал коммерческим образцом. Затем Березовский ставит под свой контроль Первый канал. К этому времени печатные СМИ в целом находятся в глубоком кризисе. За 10 лет с начала «гласности» — к 1998 году — их общий тираж упал в 8 раз, а центральной прессы — в 15 раз; «Новый мир» издаётся тиражом в 3000

экземпляров. Только телевидение, оставаясь бесплатным для населения, становится мощным каналом рекламы и соответствующих денежных потоков.

В 1995—1996 годах происходит первый существенный конфликт между исполнительной властью и СМИ — Чечня. Либеральные издания и телепередачи жёстко критикуют действия российских властей. Власть и силовые структуры оказываются под мощнейшим фактически проицкерийским давлением. Несомненно, это стало одним из факторов поражения «федералов» и заключения пораженческого договора в Хасавюрте.

В 1996-м власть, олигархи и СМИ объединяются. Происходит чудо: Ельцин, имевший два-три процента рейтинга, побеждает на выборах президента. Известно, что были задействованы большие деньги, однако это не умаляет роли СМИ — в то время на местах коммунисты имели мощные структуры, их поддерживали многие региональные лидеры если не явно, то скрыто. Но вал пропаганды, обрушившейся на избирателя, которому пообещали гражданскую войну, был чрезвычайно силен и привёл к реальной победе Ельцина и либералов. Правда, победой воспользовались не все, и здесь тоже на первый план вышли газеты.

1997 год — борьба олигархов и команды Чубайса. Олигархи Березовский с Гусинским сочли, что за свои деньги получили мало, почувствовали себя обделёнными, и вся мощь СМИ, принадлежавших олигархам, в том числе НТВ и ряд московских изданий, обрушилась на «бригаду писателей» — Чубайса, Гайдара, Коха, Мостового и прочих реформаторов. Евгений Киселёв и его товарищи на НТВ немало поспособствовали изгнанию либералов из власти. Им это аукнулось в 2001—2002 годах, когда на этот раз речь зашла о команде Киселёва, и здесь уже люди из команды Чубайса участвовали в разгроме энтэвэшников.

Наконец, последнее событие, когда именно СМИ, точнее, даже одна телепередача существенно повлияла на развитие политической ситуации в стране: выборы в Государственную думу **1999 года**. Безусловным «героем», профессиональным информационным киллером этой кампании стал Сергей Доренко. Конечно, и здесь можно вспомнить об олигархах, в данном случае — о Березовском, который финансировал кампанию против Лужкова и Примакова. Однако ни НТВ, ни другие телепередачи при тоже очевидном вливании немалых денег не сыграли столь яркой роли.

В XXI веке в СМИ на первый план выходит «развлекаловка», сохраняется много «чернухи», и всё большее место занимают гламурные издания. В целом пресса теряет свои властные амбиции и только во время выборов на очевидно коммерческих основаниях «мочит» или славит того или иного политика или партию. Радикальные политические издания становятся уделом небольшой группы людей, которые могут удовлетворять свои политические ощущения, погружаясь в Интернет. Оказывается, что сама по себе никакая информация, если она не интересуется широкие массы, на власть никак не влияет.

Четвёртая власть, вернее — её всевластие — закончилась вместе с четвёртой революцией.